

## RELIGION IN THE WORLDVIEW VIEWS OF MAURICE BARRES

*N. Stepanova*

*Summary:* This article examines the significance of religion in the work of Maurice Barres. After the passage of the 1905 Law of Secession, the French religious heritage was under threat. Within the framework of this problem, both journalistic and artistic works of the French writer are involved. The multi-volume "Notebooks" and the treatise "The Great Sorrow of the Churches of France" testify to the active activity of the French writer against the destruction of churches of historical and artistic value for France. Catholicism as the embodiment of a firm discipline and spiritual culture found its artistic embodiment in the novels "Free Man" and "Inspired Hill". The priority position of Catholicism in the spiritual life of the French nation is revealed.

*Keywords:* M. Barres, "Notebooks", "The Great Tribulation of the Churches of France", "Inspired Hill", French Catholicism.

В конце XIX века перед всеми творческими умами Франции встала задача обновления западной цивилизации, которая неуклонно шла к кризису. И это касалось самого человека, его морали, эстетики, религии. Пересматривался весь комплекс идей и институтов, характеризующих индустриальную цивилизацию. Настойчиво отрицалось наследие Великой французской революции. Речь шла о подступах к новому миропониманию [10, 7].

Так называемое «банкротство науки» возвратило общество к разнообразным формам идеализма – к увлечению оккультными науками, мистицизму. Этот период был отмечен, прежде всего, появлением живейшего интереса к иррациональному, превратившемуся затем в культ чувства и инстинкта. Казалось, что только иррациональные силы способны стать источником энергии, которая, в свою очередь, порождает чувство собственной значимости. К тому же в их власти оказалось освобождение человека от посредственности и скудости повседневной жизни. Речь шла о смысле жизни, обретении надежды и поисков путей к активному действию. Для этого нужны были силы, управляемые твердыми законами.

Одной из особенностей духовной жизни Франции на рубеже веков стало возрождение католицизма. К тому же дело Дрейфуса явилось благоприятным случаем для религиозного движения. Возрождению религии способ-

## РЕЛИГИЯ В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ МОРИСА БАРРЕСА

*Степанова Наталия Николаевна*

*Доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики  
n.stepanova.55@mail.ru*

*Аннотация:* В настоящей статье исследуется значимость религии в творчестве Мориса Барреса. После принятия Закона 1905 года об отделении французское религиозное наследие оказалось под угрозой. В рамках данной проблемы привлекаются как публицистические, так и художественные произведения французского писателя. Многотомные «Тетради» и трактат «Великая скорбь церквей Франции» свидетельствуют об активной деятельности французского писателя против разрушения церквей, представляющих историческую и художественную ценность для Франции. Католицизм как воплощение твердой дисциплины и духовной культуры нашел свое художественное воплощение в романах «Свободный человек» и «Вдохновенный холм». Выявлена приоритетная позиция католицизма в духовной жизни французской нации.

*Ключевые слова:* М. Баррес, «Тетради», «Великая скорбь церквей Франции», «Вдохновенный холм», французский католицизм.

ствовала и война. В июле 1915 года В.И. Ленин писал: «Война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики <...> Каковы главные потоки этих бурных чувств? Ужас и отчаяние. Отсюда – усиление религии. Церкви снова стали наполняться <...> «Где страдания, там религия, говорил архиреакционер Баррес. И он был прав» [3, 26, 290-291].

Морис Баррес (1862-1923) был одним из самых известных писателей во Франции конца XIX – начала XX века. Политик с тридцатилетним стажем, член французского парламента, Баррес играл заметную роль в жизни страны. «Моя литература и политика должны соответствовать друг другу, дополнять друг друга, быть в гармонии, ибо в них я одинаково нуждался» [4, МС, I, 38].

Баррес считал, что спасти страну от безраздельно господствующей общественно-политической анархии может только церковь. Именно она в данный период способна установить в обществе стабильность и порядок. Опираясь на изучение исторического опыта, Баррес пришел к выводу о том, что порядок всегда отвечал чаяниям людей: «Я хорошо понял историю, и что хотят народы: порядка и ничего больше» [4, МС, I, 100]. В связи с этим у Барреса возникает культ дисциплины, который в его понимании, царит в армии и, прежде всего, в церкви. Он не уверен в абсолютной истинности христианства, но главное, что оно дает правильные результаты для чело-

веческой личности. «Я люблю, – писал он в 1896 году, – красоту, изящество, святость, гениальность, героизм, зная, что они появились не сами по себе, а благодаря религиозной дисциплине, армии, церкви, которые все это создают и защищают» [4, МС, I, 5].

Католицизм как элемент духовности всегда присутствовал в мировоззрении писателя. В процессе достижения возмужания и самоусовершенствования герой романа «Свободный человек» (1889) обращается к церкви, которая владеет твердой дисциплиной, выработанной веками, а бог должен служить идеалом того совершенства, к которому следует стремиться. «Религиозный порядок создал гигиену души, призванную любить бога; аналогичная гигиена приведет нас к обожанию Я», – делает для себя вывод Баррес [5, р. 54]. Формирование способности чувствовать (*la sensibilité*) будет проходить в два этапа, которые Баррес назовет соответствующим образом: «Воинствующая церковь» (*L'Eglise militante*) и «Торжествующая церковь» (*L'Eglise triomphante*). Пройдя испытания, молодой человек воспитывает в себе волю, т.е. создает свою душу заново. Она превращается в хорошо отлаженный механизм, содержащий самые редкостные чувства.

Баррес защищал религию, ибо находил в ней «силу, которую следует хранить, как сокровище» [4, МС, VI, 66]. Писатель видел в католицизме национальную религию, которая является оплотом порядка и мира, а также создателем французского гения. Как и всякая любая религия, католицизм рассматривается как источник исторического и культурного развития страны. С католицизмом связано зарождение и развитие французской нации. Без католицизма не существовало бы Франции, – считал Баррес, – Франция должна быть только католической. Более того, он хотел превратить религию в «духовную силу» Республики.

Между тем Баррес исключает из католицизма элемент веры. Писатель, как-то признался священнику, которого лишили сана, что «кризис, который тот переживает с таким волнением, в его собственных глазах, не имеет никакого смысла» [4, МС, VI, 56-57]. В самом деле, проблема веры практически отсутствует в мировоззрении писателя. «Сам я агностик» – признавался он [4, МС, II, 265]. «Верующий ли я? Атеист ли я? Вот в чем главная проблема, над которой я мало задумывался <...>» [4, МС, V, 54]. В отношении Христа у Барреса было две точки зрения. Первая состояла в том, что Христос вообще не существовал [4, МС, III, 16]. Вторая же, сформулированная несколькими годами позже, свидетельствовала о том, что «с самого начала Христос не ведал о том, что создал» [4, МС, VII, 19].

Несмотря на отсутствие веры, Баррес считал себя католиком. «Я католик, я был крещен, принял первое при-

частие. У меня нет никакого основания, чтобы обратиться в другую веру» [4, МС, IX, 305-306]. «Я дышу только в этой католической атмосфере», – признавался Баррес [4, МС, IV, 143].

Баррес считался одним из виднейших защитников католицизма. Писатель не оставляет без внимания те явления, которые характеризуют деятельность современной ему католической церкви во Франции, ее значение и позицию в происходящих событиях. В этом нет ничего удивительного: вопросы веры и религии занимают важное место в сознании Барреса и во всей системе его философских взглядов. «Я допускаю, чтобы о религии говорили как о родине <...>» [4, МС, XII, 211]. Как политик Баррес видел в религии «нерушимую силу сплоченности, которая в любой форме, при любом климате и в разные эпохи, является необходимой для защиты общества и цивилизации» [4, МС, VII, 223]. Русский поэт, художник и литературный критик М. Волошин был первым, кто открыл для русского читателя Мориса Барреса. Как у Барреса, так и у Волошина обнаруживается схожее мнение в отношении католицизма. Как политик Баррес видел в религии «нерушимую силу сплоченности, которая в любой форме, при любом климате и в разные эпохи, является необходимой для защиты общества и цивилизации» [4, МС, 7, 223]. Волошин пронзительно замечает: «<...> в духовной (не политической) жизни Франции католичество – это живая преемственность исторических традиций нации, это прекрасная дисциплина ума. Она шлифует, дает гибкость, верность, четкость формулировки» [3, т. 6, кн.1, с. 490].

Из религии Баррес создает культ и притом особый культ, культ мертвых, который мог бы обеспечить преемственность, сплоченность и социальное здоровье французской нации. Писатель любил присутствовать на церковных праздниках, устраиваемых в честь национальных героев. «Через цепь молитв, – писал в «Тетрадах» Баррес, – осуществлялась связь живых с мертвыми и с теми, кому предстоит еще родиться» [4, МС, VI, 110]. Именно такую связь он считал прочной и отвечающей его идеалу.

«Религия не представляется мне простым средством для обеспечения общественного порядка <...>» [4, МС, VIII, 67] – отвечает Баррес тем, кто назвал его «социальным утилитаристом» [4, МС, IX, 23]. Автор «Тетрадей» опровергнул это мнение в 1911 году: «Я намерен говорить с вами не как социальный утилитарист и убеждать вас в том, что религия полезна обществу. Я хочу сказать, что она необходима в жизни каждого человека» [4, МС, IX, 23].

На протяжении всей жизни католицизм воспринимался Барресом с эстетической точки зрения и ассоциировался скорее с поэзией, чем с поклонением святым. Ведь недаром писатель называл католицизм «бессмерт-

ной поэмой» [4, МС, VI, 59]. Понятно, насколько такой взгляд на религию не имеет ничего общего с верой в бога. Согласно Барресу, католицизм служит, прежде всего, духовному обогащению человека, хранителем таинственности и силы, в которых так нуждается каждый из нас. Для Барреса церковь – это место, где люди находят забвение своим бедам и тревогам. Она наделяет человека знаниями о самом себе, что придает ему силы и позволяет возвыситься над собой. Она облагораживает человека, наделяет его всевозможными добродетелями и дает надежду на лучшую долю [4, МС, IX, 65].

Выступая в 1911 году на конференции, посвященной общественной благотворительности, Баррес подчеркнул ведущую роль церкви по этой проблеме. «Филантропия содержит, конечно, благородные идеи и руководствуется высоким моральным чувством, но ей не хватает страсти. Она не может пролить бальзам на душу и суметь исцелить ее. Там, где филантропия видит нищету, четыре франка в месяц для бедной старушки, церковь видит душу, которую надо спасти. Она обращается к чувству, перед которым мы все равны (между тем, как в обществе наше неравенство слишком заметно)» [4, МС, IX, 169].

Баррес считал религию одним из необходимых средств нравственного воспитания. В связи с этой задачей Баррес обращает пристальное внимание к системе образования. Из романа Бальзака «Сельский священник» (1841) он приводит одну фразу, которая полностью согласуется с его тезисом в отношении образования во Франции: «<...> таланты, которые фабрикует высшее образование, очень недолговечны, ибо они не находят себе применения и лишены будущего; <...> образование, получаемое в наших начальных школах, не дает государству ничего, потому что лишено веры и чувства» [4, МС, IX, 169-170].

Баррес считает, что Сорбонна разрушила старинный кодекс моральных правил. Студенты выражают недовольство и нуждаются в чем-то другом. Им хочется жить чувствами, и это желание приводит к тому, что они начинают искать духовную опору вне стен Сорбонны. «Нельзя создавать Университет и вообще образование, – настаивает Баррес, – на законах, которые противоречат человеческой природе. Разум стремится к пылкости, благородству, независимости; это и есть триумф энтузиазма» [4, МС, IX, 22-23]. «В каждом человеке содержится неведомая глубина, которая найдет удовлетворение только в вере. Поэтому возникает необходимость в том, чтобы в Сорбонне занимались духовным воспитанием с таким же усердием, с каким ведут подготовку умов. А пока еще не существует учреждение для духовного образования» [4, МС, IX, 24]. Та же мысль получила свое развитие в Предисловии «Человеческой комедии»: «Просвещение, или, лучше сказать, воспитание при помощи религиозных учреждений, является для народов великой основой их

бытия, единственным средством уменьшить количество зла и увеличить количество добра в любом Обществе. Мысль – источник добра и зла – может быть воспитана, укрощена и направлена только религией» [1, 1, 28.].

Примечательно выступление Барреса в палате депутатов от 21 июня 1909 года по поводу самоубийств в колледжах и лицеях. Баррес рассказал о гнетущей атмосфере, царившей в школьных учреждениях. Причинами подобных трагедий является отсутствие твердой морали, духовного равновесия и религиозного воспитания молодого поколения. Выход Баррес видит в том, чтобы вновь возвратиться к старой системе образования, в которой религия играла большую роль [4. МС, VII, 203-231].

О роли религии и церкви в воспитании молодого поколения также писал П. Бурже, старший современник Барреса. В «Опытах современной психологии» (1883) Бурже упрекал Вольтера и Руссо за их отрицательное отношение к религии. Вольтер «видел в священнике только мошенника, а в верующем – жертву обмана» [8, 88]. Теория же общественного договора Руссо оказала «губительное влияние на национальную жизнь» [8, 88]. В религии Бурже видит «живой организм, созданный исходящим изнутри принципом, который, во-первых, придает этой религии... характер законности, а, во-вторых, делает ее необходимой» [8, 88-89]. Говорить о религии, что она ложна – это крайне опасно и неразумно, – считал Бурже. Автор «Опытов» предвидит моральную катастрофу, если лишить человечество веры. «Тогда оно увидит перед собой темную и бездонную пропасть и наступит всеобщее смятение, подобного которому не знала еще ни одна эпоха» [8, 94]. Бурже призывает уважать «чувство божественного <...> ибо оно выражает то, что есть самое возвышенное в сердце человека» [8, 89].

В конце XIX века самым серьезным врагом республики становится клерикализм, добивавшийся первенства церкви и духовенства в общественно-политической и культурной жизни страны. Но закон об отделении церкви от государства, принятый в 1905 году, положил конец любым проявлениям клерикализма.

Отделение церкви от государства проходило в болезненной форме для верующих. Большей частью церкви закрывались или вовсе уничтожались. В глазах Барреса разрушалась не только религия, а цивилизация, созданная Францией [4, МС, VI, 287]. Писатель встал на защиту церковей, исчезновение которых грозило бы «моральной катастрофой» [4, МС, VIII, 33-34]. 1900-е годы эти события стали главной темой парламентской и журналистской деятельности Барреса.

Осенью-зимой 1906 года Баррес как депутат принимает участие в дебатах, происходящих вокруг отделения церкви от государства. Между тем многие



современники, например, Ж. Жорес, Р. Вивиани воспринимали кампанию Барреса в защиту церкви как повод к возврату прошлого, когда церковь имела привилегии и практически управляла государством. На одном из заседаний палаты, которое состоялось в январе 1910 года, Баррес с готовностью объяснил свою позицию: «Я готов ответить вам, почему я защищаю церкви. Для меня – это национальный вопрос. Я пришел в католицизм, руководствуясь преимущественно национальным чувством, а не религиозным» [4, МС, VIII, 57]. А еще ранее, в интервью для газеты «Эклер» за 17 декабря 1900 года: Баррес выдвинул два аргумента, в силу которых он принял решение защищать французские церкви: «Я защищаю их во имя внутренней жизни каждого и во имя цивилизации. Защищая церкви, мы защищаем нашу цивилизацию, нашу формацию, оставленную нам в наследство» [4, МС, VIII, 296-297].

В отношении первого аргумента автор «Тетрадей» пояснял, что «речь идет вовсе не о том, чтобы пробудить католическую мысль во Франции, а о том, чтобы сохранить безмолвный храм для эмоциональных выражений, в котором в течение веков люди утоляли свои души. Вот почему я призываю не к христианской вере, а к чувству» [4, МС, IX, 308].

Но самым основным являлся второй аргумент. С одной стороны, как уже говорилось выше, Баррес считал католицизм оплотом порядка, но, с другой стороны, эта религия являлась для него национальным и духовным сокровищем французской культуры. «Если я прошу спасти наши церкви, – писал Баррес в 1912 году, – то я это делаю, прежде всего, из чувства уважения к старинным памятникам, являющимся народным достоянием» [4, МС, IX, 306]. Баррес отводил католицизму, чуть ли не главную роль в деле формирования французского духа и общества, ставя его на одну ступень с наукой: «<...> я защищаю французскую церковь с той же энергией, как если бы я защищал свободный Коллеж де Франс. Наука и церковь достойны глубокого уважения, ибо являются одинаково блестящими знаками цивилизации» [4, МС, IX, 306]. Роль католицизма в творчестве Барреса на данном этапе совершенно точно определил Ф. Мориак: «Католицизм, который являлся для молодого Барреса инструментом духовной культуры, для сегодняшнего Барреса превратился в инструмент французской культуры» [9, 82].

Итогом его размышлений о судьбах католической церкви явились роман «Вдохновенный холм» (1913) и трактат «Великая скорбь церковей Франции» (1914).

В основу романа «Вдохновенный холм» положена история одного религиозного раскола. Священник Леопольд Байярд (Léopold Baillard), поселившись в Лотарингии на холме Сион-Водемон (Sion-Vaudémont), поклоняется старым романским и галльским божествам.

Лотарингскому мистицизму противопоставляется католическая дисциплина со своей старой иерархией. Провождая язычество и восстав против ортодоксальности и духовенства, против «дисциплины» [4, МС, X, 30] и «иерархического порядка» [4, МС, X, 31], Леопольд Байярд тем самым вызвал недовольство со стороны Рима. По приказу папы он был отлучен от церкви. С тех пор начинаются скитания священника, упорно продолжающего насаждать свои идеи. И только в момент предсмертной агонии одному аббату удается убедить Байярда отречься от своих еретических учений [6, 405-408.]. Так, священник-раскольник вновь возвращается к католической ортодоксальности, к этой истинной вере, которая одержала победу над языческими божествами. Баррес испытывает симпатию к Леопольду Байярду, но между тем и не сожалеет о поражении, постигшего вероотступника.

Задумывая роман, Баррес хотел услышать голос земли в призыве языческого мистицизма. Он призывает проникнуть в «резервуар поэзии» французской земли, на которой горы, плато, леса, пруды поют гимны [4, МС, IV, 334].

В 1914 году появляется трактат Барреса, составленный из его статей и выступлений в Палате депутатов под названием «Великая скорбь церковей Франции» (1914), который не мог не вызвать сочувствия у большинства французов. «Может случиться так, что он не понравится политикам, законодателям, придирчивым людям, ученым, но я надеялся придать ему житейский характер. Здесь увидят свободное течение вещей, ритм парламентских будней и мою настоящую натуру», – читаем в «Тетрадах» в день опубликования трактата [4, МС, X, 285-286].

Трактат написан под живым впечатлением от многочисленных поездок писателя по французским деревням. Картина, представившаяся его взору, наводила на самые грустные мысли. В первой главе рассказывается о том, как действовал закон об отделении церкви от государства. В частности, положение о проведении инвентаризации церковного имущества. Скульптуры, утварь, картины, иконы, являющиеся произведениями искусства и представляющие национальную ценность, передавались в музеи. Менее ценные вещи продавались торговцами в розницу. Сердце писателя сжималось, когда он видел следы опустошения в старинных церквях, построенных еще в XV, XVI, XVII веках. Бывали даже случаи, когда церкви приспособлялись под охотничий павильон. «Сегодня, впервые в истории Франции, наши церкви подвергаются смертельной опасности», – высказывал Баррес свои опасения [7, 8].

Вторая глава трактата повествует о физическом уничтожении церковей, которая так и называется «Динамит в колоколах». Сбрасывались колокола, разбивались стеклянные витражи, разорялись алтари, статуи святых превращались в мусор. С тревогой смотрит Баррес в бу-

дущее, предвидя, что «закон об отделении вскоре покроет Францию руинами» [7, 21].

В последующих главах подробно излагаются выступления самого автора в парламенте. 4 января 1910 года Баррес обращается за помощью к А. Бриану, министру внутренних дел и культа, пытаясь найти у него поддержку. Между тем Бриан не видит причины для беспокойства, считая, что гнев народа вполне оправдан, так как церкви напоминали о жестоком угнетении в течение ряда веков.

После безуспешной аудиенции у министра Баррес обращается к парламенту. 16 января 1911 года состоялось заседание парламента по данному вопросу. В своей речи Баррес пытается убедить членов парламента в том, что наука и рационализм не в состоянии полностью удовлетворить духовные потребности человека, что это удел церкви и веры. «В каждом из нас, – писал Баррес, – содержится тайная глубина, которая находит свое удовлетворение в другой глубине, имя которой вера» [7, 61]. На очередном заседании парламента 25 ноября 1913 года писатель снова настоятельно требовал прекратить снос церквей, аргументируя тем, что это приведет к уничтожению истории французской архитектуры, которая прославила французский гений. Построенные в разные эпохи, церкви свидетельствовали о разных стилях: романском, готическом, эпохи Ренессанса, барокко [7, 200].

В трактате Барреса приводит акт одного вандализма. Мэр коммуны Волькс (Volx) в регионе Прованс намерен снести часовню. Президент комитета живописных площадок и памятников туристического клуба обращается по этому поводу к мэру и получает ужасающий ответ: «М.Г., имею честь уведомить Вас, что действительно меры к разрушению старой часовни посредством четырех динамитных шашек приняты <...>. Она, как Вы утверждаете, есть достояние наших предков, но она напоминает нам те эпохи, когда наши отцы принуждены были терпеть жестокое и властное иго клерикалов. Подумайте только – ее постройка, как говорят, восходит к XII веку; значит, она пережила и Варфоломеевскую ночь, и Инквизицию, и драгонады <...>». «Господи! Зачем ты создал их такими глупыми?» – восклицает Баррес [7, 16-17]. Не исключая ни одного из разнообразных наследий, сформировавших историю Франции, Баррес рассматривает религиозные сооружения, в первую очередь, как «национальное достояние», которое составляет «прекрасную цепь французского искусства» и, как таковое, должно быть сохранено. Трактат «Великая скорбь церквей Франции» – оригинальный текст, состоящий из парламентских дебатов, диалогов, открытых писем, статей, метафизических размышлений. Это еще и дневник успешной кампании, которая способствовала принятию Закона 1913 года об исторических памятниках. Наследие Мориса Барреса знаменует собой рождение нового сознания исторического и культурного наследия каждой нации.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бальзак О. де. Собрание сочинений: В 24 т. Т.1 / О. де Бальзак. Москва: Правда, 1960. 484 с.
2. Волошин М. Собрание сочинений: В 13 Т. 6, кн. 1 / Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова / М. Волошин. Москва: Эллис Лак 2000, 2007. 896 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 26 / В.И. Ленин. Москва: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1969. 590 с.
4. Barrès M. Mes Cahiers: En 14 v / M. Barrès. Paris: Plon, 1919-1951. Все ссылки на это издание даются в тексте (MC); римская цифра обозначает том, арабская – страницу.
5. Barrès M. Un Homme libre / M. Barrès. Paris: Fasquelle, 1889. 299 p.
6. Barrès M. La Colline inspirée / M. Barrès. Paris: Émile-Paul, 1913. 428 p.
7. Barrès M. La Grande pitié des églises de France / M. Barrès. Paris: Plon, 1925. 306 p.
8. Bourget P. Essais de psychologie contemporaine / P. Bourget. Paris: Lemerre, 1883. 326 p.
9. Domenach J.-M. Barrès par lui-même / J.-M. Domenach. Paris: le Seuil, 1954. 192 p.
10. Sternhell Z. Maurice Barrès et le nationalisme français / Z. Sternhell. Paris: Colin, 1972. 396 p.

© Степанова Наталия Николаевна (n.stepanova.55@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»